

**СОБЫТИЙНАЯ ОНТОЛОГИЯ ВРЕМЕНИ:
М. ХАЙДЕГГЕР, В. БИБИХИН, К. РОМАНО**

В статье поднимается проблематика времени в контексте событийной онтологии. В связи с этим рассматриваются идеи Мартина Хайдеггера и его рецепции, а именно работы Владимира Вениаминовича Бибикина и Клода Романо, которые уделяют большое внимание указанной проблематике. Произведена попытка обозначить смысловой круг, очерчивающий наиболее важные темы в отношении времени и события. Указана не только преемственность мысли в отношении указанных авторов, но также и в отношении философской традиции, главным образом в лице Аристотеля. В заключении делается вывод о противоречивой природе времени и необходимости её «удержания» в рамках дискурса для полного освещения темы. Топика, обозначенная в статье, освещает широкий круг вопросов, требующих дальнейшего исследования в рамках данной темы.

Ключевые слова: событийная онтология, время, событие, пора.

Durnev A. D.

THE EVENT ONTOLOGY OF TIME: M. HEIDEGGER, V. BIBIKHIN, K. ROMANO

The article raises the problem of time in the context of the event ontology. In this regard, Martin Heidegger's works and his receptions are studied. Among receptions there are Vladimir Bibikhin's and Claude Romano's works as these philosophers pay much attention to the question of time. The article presents the problematic field within the topic. Moreover, the article shows the circulation of thought within not only the mentioned philosophers but also between them and the tradition, mainly Aristotle. The conclusion emphasizes the contradictory nature of time and stresses the necessity of retaining it for the most complete overview of the problem. The themes, raised in the article, highlight the vast specter of questions for further research of the topic.

Keywords: event ontology, time, event.

В двадцатом веке онтологические вопросы возобновляются с новой силой. Это происходит во многом благодаря Мартину Хайдеггеру, возобновившему

вопрос об онтологической дифференции — различии между бытием и сущим [8, с. 1]. Результатом этого явился философский дискурс следующего характера: говорить о бытии как таковом, не довольствуясь лишь сущим [8, с. 5–8]. Иными словами, необходимо перестать отвечать исключительно о сущем, если вопрос задаётся о бытии. Так, хайдеггеровская философия, особенно поздних периодов его творчества (после так называемого «поворота» [10]), задаёт новый ракурс вопрошания о бытии. И хотя уже было проведено множество исследований философии Мартина Хайдеггера, всё же она остаётся не до конца не то что бы осмысленной, но хотя бы воспринятой: множество из его работ и записок позднего периода сложно понять, перевести, классифицировать; несколько томов из полного собрания сочинений (*Gesamtausgabe*) не выпущены или не переведены.

Очевидно, что понимание бытия в континентальной философской традиции после Хайдеггера стало менее антропоцентричным. Более того, бытие приобрело перформативный характер [12, с. 112–113]. Можно сказать, что в некотором смысле философия наконец услышала глагольность этого термина. Этот лейтмотив проходит через всю хайдеггеровскую философию, но работы позднего периода углубляют эту идею, что послужило импульсом к появлению событийной онтологии. В её основе лежит событие, а оно в свою очередь фундаментально во времени. Природа времени, однако, остаётся непростым вопросом. В истории философии было немало попыток рассуждения на эту тему: идеалистические, религиозные, трансцендентальные трактовки времени. Тема получила обсуждение с новой интенсивностью в 20 веке благодаря Мартину Хайдеггеру и его рецепциям, среди которых Владимир Вениаминович Бибихин, русский переводчик и интерпретатор Хайдеггера и Клод Романо, французский феноменолог.

Время играет большую роль в работах Хайдеггера. В контексте событийной онтологии, однако, наиболее уместным будет обращение к позднему периоду творчества немецкого мыслителя (после так называемого «поворота»), поскольку именно в этот период больше всего внимания уделяется раскрытию соответствующей топики. Событие, истина или несокрытое (*ἀλήθεια*), искусство и свобода — эти темы перетекают одна в другую, однако в рамках данного дискурса одной из центральных тем является событие (*das Ereignis*) [3, с. 497].

Перед разбором терминов следует также внести оговорку на предмет того, что Хайдеггер, как известно, выступал против использования фиксированных дефиниций и структур, особенно в поздний период своего творчества [3, с. 494–497]. Однако, это вовсе не подразумевает необязательность терминов. Более того, это оставляет пространство для манёвра мысли, порой столь необходимое, как будет видно, в работе с такими понятиями как время и событие.

В период «Бытия и времени» у Хайдеггера уже был термин событие, который, однако, в немецком переводится словом *das Geschehen*, а не *das Ereignis*. *Das Geschehen* тесным образом связан с *Dasein*, так, он имеет онтическое значение. Иначе говоря, в данном случае подразумевается событие человеческой жизни [8, с. 388–389]. В то же время *das Ereignis* имеет онтологическое значение — этот термин имеет непосредственную привязку к бытию. С одной стороны, бытие

имеет историю, которая, в некотором смысле, более сложна, нежели история жизни или Dasein. Историчность бытия — это история его сокрытий и раскрытий. Более того, историческая раскрытость бытия — судьба. Раскрытость или непотаённости же в свою очередь понимается как истина в греческом смысле — ἀλήθεια [9, с. 405–406]. Истина же сбывается. Таким образом, открытость бытия или истина есть событие.

К концу выступления, изложенного в статье «Время и бытие» Хайдеггер заявляет, что самое подходящее, что можно сказать о событии — это то, что оно сбывается. И всё же во время предшествующего этому философствования он отмечает, что событие — это вместилище бытия вместе с протяжённостью времени [9, с. 406]. Другими словами, сопряжение бытия и времени служат условиями для события или даже точнее сказать — составляют его.

Хайдеггеровское объяснение времени требует вникания, и Владимир Вениаминович Биbihин проделал немало работы по прояснению и толкованию философии немецкого мыслителя. Однако следует также рассматривать Биbihина и как самостоятельного философа, поскольку к этому располагает его чрезвычайно богатое и самобытное наследие [4]. В контексте данной статьи одна из наиболее интересных работ этого наследия — «Пора (время-бытие)» [2].

Весьма непросто очертить тематику «Поры» Биbihина в конкретных терминах, поскольку сам Владимир Вениаминович в духе Хайдеггера ведёт «дремучий» (как и в другой своей работе, посвящённой жизни и её целостности, — «Лес» [1]) дискурс. Автор сам указывает на то, что цель курса, изложенного в работе «Пора» — не раскрыть, что такое пора, а скорее пригласить через размышление и переживание ко включению, к принадлежности к поре [2, с. 7].

Заглавие отсылает к термину «пора», который Биbihин использует для обозначения того, что такое время события (и бытия). Хайдеггер подчёркивал важность правильного, нерасхожего понимания времени, в котором, если угодно, открывается время подлинное [8, с. 304, 425–427]. Этот момент Биbihин указывает в качестве одной из отправных точек: необходимость выделить так называемое обыденное понимание времени и время события [2, с. 6–7, с. 81–82]. Обыденное понимание времени — это то, что Гадамер назвал бы «пустым» [5, с. 310], а Биbihин иногда называет «мифологическим» [2, с. 81]. Имеется в виду отношение ко времени как к ресурсу, словно хранящемуся, ждущему своего использования. Другая аналогия — *tabula rasa*, доступная для того, чтобы быть заполненной. Иными словами, это время циферблатов, календарей и ежедневников, расчерченное пространство для реализации возможностей. В этом аспекте можно уловить хайдеггеровские отголоски несобственного способа бытия Dasein [2, с. 22–23], [8, с. 338], и не подлинности времени [7, с. 128–129].

Указанные инструменты, однако, могут способствовать переходу во время события: будильник «включает» ещё до того не бодрствующего в совершение действий, на календарях и в ежедневниках отмечаются даты, время запланированных событий [2, с. 78–79]. Когда звонит будильник или приходит нужное время, то говорят: «Пора». Биbihин толкует круг значений слова «пора» в духе Хайдеггеровского *die Zeit*: *porēiv* — дать, предоставить; *lé-pro-tai* — суждено;

πορεύω — иду, имею проход; πόρος — путь, средство, пора. Вместе с тем — die Zeit и его zeitigen — дать, предоставить; die Zeitigung — созревание, проявление, исполнение; das Ziel — конец, предел, «до тех пор» [2, с. 13–14].

В работе Бибикина чувствуется постоянная двойственность: время пустое и время события, пора. Этот мотив, пожалуй, один из ключевых, но не единственный. Раскрывая онтологию времени, Бибикин обращается к философским классикам, таким как Аристотель, Августин Блаженный и Иммануил Кант, привлекается и, разумеется, Хайдеггер. При чём философия Хайдеггера как бы выступает поводом, чем-то, от чего можно оттолкнуться, и к чему вернуться, сверяясь с основными мотивами, словно с путеводной картой [2, с. 29]. Основным подспорьем всё же выступает Аристотель, иногда также с обращением к Августину и Канту [2, с. 67]. В этом переплетении вырисовывается весьма актуальная проблематика как времени, так и события. Проблематика эта окутана всё той же двойственностью. К Аристотелю и, разумеется, его апориям, которые предполагают, даже проблематизируют двойственность времени, Бибикин обращается на протяжении всей книги. Всё те же по своей сути аристотелевские мотивы Бибикин показывает и у Августина, и у Канта: время считают или временем считают, мир имеет начало во времени или не имеет и так далее. Всё это в конечном итоге подчёркивает антиномичность времени [2, с. 75]. При чём антиномии не разрешаются, двойственность не снимается. Однако они и не должны, поскольку это не диалектика, это полярность, присущая времени, его природе, а время нельзя снять, убрать [2, с. 33–37, 62–63, 66, 75]. Бибикин, как уже отмечалось выше, не собирается напрямую отвечать на вопрос о времени, он, подобно Хайдеггеру, вырисовывает мыслительные круги, с тем, чтобы мы, вовлекаясь, могли понять, каково это — принадлежать «поре» [2, с. 7], [4]. Более того, можно обнаружить, что подобный подход работает и в более ранней традиции, например, у того же Аристотеля [2, с. 63]. Таким образом, удержание подобных полярностей необходимо для наиболее полного осмысления онтологической проблематики времени. Так вырисовывается примерная основная топика проблемы времени, вращающаяся вокругдихотомии поры и пустого времени.

Французский феноменолог Клод Романо подступает к Хайдеггеру с несколько иной стороны. Его работа «Авантюра времени», посвящённая феноменологии события, пронизана критикой трансцендентализма у Гуссерля и Хайдеггера. Эта критика служит опорой для феноменологического подхода к событию и времени.

Говоря о событии, Романо подмечает, что эта тема поднимается на пересечении различных типов вопрошания. Во-первых, это линия от Гераклита через стоиков и Ницше, согласно которой способ бытия события несводим к способу бытия вещей [7, с. 40–41]. В данном случае проводится известная аналогия с молнией, которая не является атрибутом другой вещи. Таким образом, не молния сверкает, а молния есть сверкание; событие же есть подобная молния на «поверхности бытия» [11, с. 13]. Во-вторых, это понимание ещё у античных трагиков события как τύχη или «необходимой случайности» [7, с. 43–44]. В этом смысле событие — то, что, будучи непредвиденным, учреждает необходимость, судьбу. У Аристотеля также встречается τύχη как событие, участь человека, в противо-

поставлении тоавто́матов — простой случайности, факту чувственного космоса [7, с. 47].

Отталкиваясь от указанного историко-философского контекста, Романо затем берётся за вопрос о возможности феноменологии события и времени как его фона, условия. В связи с этим он обращается к Гуссерлю и Хайдеггеру, поскольку эти две фигуры уделяли немало внимания феноменологии времени. Однако оба философа подвергаются критике со стороны Романо. Отдавая должное отцу феноменологии, он всё же критикует Гуссерля за трансцендентальный диспозитив в соответствии с которым, во-первых, подразумевается различение на субъект и объект, а во-вторых, объект конституирован инстанцией субъекта, что означает предвосхищение смысла [7, с. 49–51]. В то же время, событие является феноменом в высшем смысле, поскольку в нём смысл явления и явление смысла неотделимы [7, с. 51]. Это даёт основание считать, что феноменология события возможна, но не в рамках трансцендентализма.

Романо также обращается и к Хайдеггеру как к философу, попытавшемуся отвергнуть субъект-объектное отношение. Однако, прочитывая Хайдеггера в феноменологическом духе, он заключает, что и у него сохраняется критиковый трансцендентализм [7, с. 60, 127–130]. Также Романо отмечает противоречивость понятия das Ereignis Хайдеггера [7, с. 62–63]. Правда, не смотря на рассмотрение этого термина, критика Романо нацелена на фундаментальную онтологию Хайдеггера; о поздних же работах немецкого мыслителя, где событие в значении das Ereignis наряду со связанными понятиями несокрытости и истории бытия имеет центральное место, Романо практически ничего не говорит. Так или иначе, рассуждения Романо, по крайней мере, с точки зрения феноменологии показывают необходимость в более пристальном рассмотрении поздних хайдеггеровских текстов в отношении проблемы события и времени.

Основываясь на вышеупомянутой критике, Романо даёт своё толкование события. Событие наступает внезапно: его не было, и вот оно уже есть, свершилось. «На голубиных лапках» приходит оно к нам, как выразился Ницше [7, с. 73]. Каков же момент наступления события? Он схватывается лишь ре-активным образом, то есть буквально как действие в ответ. Иными словами, ре-акция на событие — его схватывание [7, с. 72–73]. Из-за своей неподвижности событие есть революция смысла, новый смысл, и в этом его феноменальность. Событие всегда событие для кого-то, то есть оно носит адресный характер, не являясь при этом всецело субъективным. Из-за своих свойств, в частности непредвиденности и революции смысла, событие несёт с собой потрясение для втянутого в него Пришествующего. Advenant или Пришествующий — термин, который Романо предлагает взамен субъекта или Dasein, означающий того, кому адресовано событие. Пришествующий существует лишь в событии постольку, поскольку оно приходит к нему, и в нём он приходит сам к себе, но уже обновлённому — этот процесс Романо называет авантюрой. Авантюра происходит потому что событие несёт с собой для Пришествующего свой собственный горизонт понятности, новый опыт, тем самым поражая устой его мира. Бытие Пришествующего не подразумевает некоей предшествующей субъективности, но лишь авантюру

его в событии [7, с. 74–81].

Из трактовки события как феномена в высшем смысле этого слова вытекает проблема времени. Время выступает не как феномен, а как условие для описания и реализации феномена [7, с. 135]. Конституируется ли в таком случае время только субъектом или же оно имеет объективную природу? Романо вновь обращается с критическим взглядом к Гуссерлю и некоторым более ранним примерам из истории философии, таким как Плотин. Он заключает, что они циркулируют в рамках сходных проблем, относясь ко времени как к потоку или процессу и потому занимаются поисками некоего «источника» времени, чаще всего в духе, душе или сознании. Романо же придерживается позиции, что время не нуждается в учреждающем источнике, что, однако, не мешает описывать темпоральную структуру опыта, не занимаясь при этом поисками того самого источника [7, с. 132–133].

Вместо этого Романо предлагает заняться «непрямой» феноменологией времени, поскольку время есть условие для феноменов. Цитируемый Романо Мерло-Понти также замечает о времени, что оно фиксирует встречу человека и мира [6, с. 521], а значит нет необходимости искать его источник, но возможно косвенно указать на него занимаясь непрямой феноменологией [7, с. 133–135]. Событие как раз есть и феномен в высшем смысле, и встреча мира и человека (Пришествующего). Потому феноменология и герменевтика времени на самом деле подразумевают собой феноменологию и герменевтику события.

Итак, идеи Хайдеггера в контексте онтологии события и онтологии времени получают своё развитие на различной почве, не только, разумеется, немецкой, но и, как видно, французской, русской и других. В методологическом плане — на феноменологической, онтологической, герменевтической и так далее. При этом идя по пути не только Хайдеггера, но и его рецепций, неизбежным является обращение к традиции, в особенности, к Аристотелю с последующим вычитыванием неявных смыслов. Как уже неоднократно отмечалось в данной статье, время обладает чрезвычайно противоречивым характером. Этот характер ярко выявляется в свете современного философствования, уделяющего внимание противоречиям, многозначности, полифонии смыслов. И для понимания времени эта полифония необходимо должна удерживаться, что так или иначе подмечается в работах Хайдеггера, Библихина и Романо.

ЛИТЕРАТУРА

1. Библихин В. В. Лес. — СПб.: Наука, 2011. — 425 с.
2. Библихин В. В. Пора (время-бытие). — СПб: Владимир Даль, 2015. — 367 с.
3. Библихин В. В. Хайдеггер: от «Бытия и времени» к «Beiträge» // Ранний Хайдеггер: Материалы к семинару. — М.: Институт философии, теологии и истории св. Фомы, 2009. — С. 493–520.

4. Богатов М. Пора Библихина // Неприкосновенный запас — № 3(101). — 2015. URL: <http://magazines.russ.ru/nz/2015/3/24b-pr.html> (дата обращения: 14.05.2018)
5. Гадамер Г. — Г. Актуальность прекрасного // Актуальность прекрасного: сборник. — М.: Искусство, 1991. — 367 с.
6. Мерло-Понти М. Феноменология восприятия. — СПб: Наука, 1999. — 600 с.
7. Романо К. Авантюра времени. — М.: РИОПЛ классик, 2017. — 220 с.
8. Хайдеггер М. Бытие и время. — М.: Академический проект, 2011. — 460 с.
9. Хайдеггер М. Время и бытие // Время и бытие: статьи и выступления. — М.: Республика, 1993. — С. 391–406.
10. Хайдеггер М. Поворот // Время и бытие: статьи и выступления. — М.: Республика, 1993. — С. 253–258.
11. Bréhier E. La théorie des incorporels dans l'ancien stoïcisme. Paris: Libr. philosophique J. Vrin, 1987. — 63 p.
12. Levinas E. Les imprévus de l'histoire. Fontfoied-le-Haut: Fata Morgana, 1994. — 211 p.